

Maciej Walczak
Uniwersytet Śląski w Katowicach
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6313-5672>
e-mail: maciej.walczak@us.edu.pl

Мешок, worek и им подобное: лингвокультурный образ (на материале русского, польского и некоторых европейских языков)

***Мешок, worek i tym podobne: obraz lingwokulturowy
(na materiale języka rosyjskiego, polskiego
i niektórych języków europejskich)***

***Мешок, worek (Eng. ‘sack’) and others: linguo-cultural image
(in Russian, Polish, and other selected European languages)***

Аннотация

В предлагаемой статье обращается внимание на лингвокультурную специфику русской и польской лексем *мешок* / *worek* и слов, вступающих с ними в синонимические отношения. С привлечением материала ряда других языков европейского ареала выявляются как общие, так и национально-особенные, для русского и польского, представления о мешке и подобных объектах. Рассматриваемые единицы приобретают в исследуемых в качестве основных двух языках полюстную символику, предполагая, с одной стороны, богатство и широко понимаемое обилие, а с другой, нищету, пустоту и расходы денежных средств. Описываются также параметры самого объекта: физические (форма, размер, вес, содержимое) и функциональные (хранение, кража, обман и др.), лежащие в основе переносных значений. Для иллюстрации приводятся данные из языковых корпусов, фрагменты выбранных сочинений русской и польской художественной литературы, а также единицы устойчивого характера.

Ключевые слова: мешок, сумка, лингвокультурная специфика, переносные значения, символика

Abstrakt

W niniejszym artykule autor zwraca uwagę na lingwokulturową specyfikę rosyjskiego i polskiego leksemu *мешок* / *worek* oraz wyrazów wchodzących z nim w relacje synonimiczne. Odwołując się do innych wybranych języków europejskich, wyłaniane są tu zarówno wspólne dla wielu języków, jak i indywidualne dla języka polskiego i rosyjskiego

wyobrażenia na temat samego obiektu nominacji. Analizowane leksemły nabierają bowiem w badanych językach słowiańskich biegunowo różnej symboliki, zakładając z jednej strony bogactwo i szeroko rozumianą offitość oraz z drugiej – biedę i niekończące się wydatki. Oprócz tego autor analizuje zarówno fizyczne parametry desygnatu (ksztalt, rozmiar, ciężar, zawartość), jak i funkcjonalne (przechowywanie, kradzież, oszustwo i in.), stanowiące często podstawę rozwoju wtórnego znaczeń przenośnych. Jako materiał ilustracyjny posłużyły dane korpusów językowych, fragmenty wybranych utworów rosyjskiej i polskiej literatury pięknej oraz jednostki idiomatyczne.

Słowa kluczowe: worek, torba, specyfika lingwokulturowa, znaczenia przenośne, symbolika

Abstract

The article focuses on the linguo-cultural specificity of a Russian and Polish lexeme *мешок / worek* (Eng. ‘sack’) and words that are synonymous to it. The author focuses on dictionary and language corpora data as well as on selected texts from Russian and Polish belles-lettres and idiomatic units. Regarding selected European languages, the author presents the linguistic notions typical of many languages and those that appear only in Polish and Russian. They all concern the same object of nomination, which nevertheless acquires various symbolism in the languages mentioned above. On the one hand, they connote wealth and abundance, on the other hand, they evoke poverty and never-ending expenses. Moreover, the author analyses the physical parameters of the referent (i.e. shape, size, weight, contents) and its functions (such as storage, theft, fraud, etc.), which trigger secondary metaphorical meanings.

Keywords: sack, bag, linguo-cultural specificity, metaphorical meanings, symbolism

В предлагаемой статье хотелось бы обратить внимание на лингвокультурные особенности объекта хозяйствственно-домашней утвари, не выделяющегося на первый взгляд какими-то особыми признаками как с точки зрения материальной ценности, так и пригодности в домашнем хозяйстве. Однако более детальный анализ семантики самой лексемы *мешок / worek* и единиц, вступающих с ней в синонимические отношения (*сума, кошель, куль, мошна; wór, torba, sak, miech, mieszek, pytel*), даёт возможность выявить не только национально специфические, но и некоторые общие в своих основаниях показатели, характерные для разных лингвокультур.

В этой связи заявленные в заглавии *лингвокультурные* характеристики следует понимать, не вдаваясь в излишние теоретические рассуждения, довольно широко, включая разные языки европейского ареала, с особым обращением к русскому и польскому, а тем самым, и устанавливать не единые культурно маркованные составляющие, которые создают некое совокупное в своей сущности целое, независимое от данной лингвокультуры и отдельного языка. В ходе анализа будем ссылааться на примеры из художественной литературы, в которых интересующие нас признаки и представления об объекте выражают

себя особенно ярко, привлекая для иллюстрации не только слова, но и более сложные единицы устойчивого характера, в том числе с привлечением корпусных данных.

Анализ языковых единиц, преимущественно русского и польского языков, позволяет отметить два противоположно направленных представления: с одной стороны, мешок или сумка – как положительный символ, носитель материального достатка, обеспеченности, богатства, а с другой, – как показатель разорения, бедности, стеснённости в денежных средствах и бесконечного по этой причине скитальчества в поисках заработка.

Обуславливается всё это концептуальной связью *мешка* с традиционно приписываемым ему и ассоциируемым с ним содержимым, а именно деньгами, отсутствие либо наличие которых актуализирует одно из закреплённых в образе данного объекта противопоставлений позитива и негатива, вызывая в дальнейшем ряд других положительно либо отрицательно заряженных параллелей. При этом негативная сторона мешка связывается не только и не столько с отсутствием в нём денег либо чего-то ценного, но и с наличием в нём чего-то другого, что для воспринимающего и оценивающего субъекта лишено особой, в том числе и материальной, значимости (картофель, солома, песок, мусор, отходы и пр.). Содержимое мешка по этой причине становится основным показателем положительного либо отрицательного представления о нём, что находит затем своё отражение в семантике и аксиологической характеристике лексической единицы.

Упомянутая связь мешка с деньгами подтверждается данными *Русского ассоциативного тезауруса* (RAT), в котором на первом месте по частоте реакций на стимул «мешок» оказались «деньги». Связь эта опосредованно обнаруживается при толковании синонимической лексемы *кошель*: ‘*устар.* то же, что кошелёк. *Денег полный кошель*’ (Ushakov 1935: 1492), а также, уже непосредственно, в устойчивом выражении *денежный (золотой) мешок* ‘о большом богатстве’ (Ozhegov, Shvedova 2001: 355), ‘об очень богатом человеке’ (Evgen'eva 1999: 265).

В польской лингвокультуре мешок также связывается с деньгами, хотя, с синхронической точки зрения, данная связь уже несколько стёрта и выявляется при обращении к историческим словарям, фиксирующим лексему *worek* в значении ‘[...] sakiewka, kiesa, mieszek na pieniądze’ (Zdanowicz et al. 1861: 1981). При этом для польского представления отношение мешка к деньгам имеет двойной характер, выступая, с одной стороны, символом накопленного и хранимого в нём богатства – *woreczek coraz dał się spory, aż na koniec (sic) z woreczka zrobiły*

się wory ‘po trochę zebrano ogromne mienie’ (Там же), либо, напротив, его отсутствия, утраты денежных средств, с другой: устар. *workowa choroba ‘niedostatek pieniędzy’* (Там же), *woreczkiem tu trzeba pobrąknąć, workiem trzeba nadłoczyć ‘trzeba zrobić wydatek, оплати́сь’* (Там же).

Последнее представление для русскоязычного восприятия находит своё отражение в образе *сумы*, как показателе «внезапно свалившейся на человека тяжёлой беды в виде нищеты» (Kolesov *et al.* 2014: 356), выявляющемся также в переводах Евангелия: *Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, Ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха* (Мф 10:10); *Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте* (Лук 10:4). Сума, как показатель банкротства, нищенства и скитальчества, встречается в ряде устойчивых единиц: *довести (кого) до сумы; дойти до сумы; пустить с сумою; ходить с сумою; худо жить тому, кому послал Бог суму; не вяжись с казною, не пойдешь с сумою; рад нищий и тому, что сшили новую суму* (Даl' 1880: 5)¹. Ср. к этому польск. *puścić kogo z torbami*.

Образ сумы (*torby*), как атрибута нищего и скитальца, отражён и в ряде текстов русской и польской культуры: *Не дай мне Бог сойти с ума / Hem, легче посох и suma* (Pushkin 1950: 266); *Pij, pij, pij, bracie, pij / Na starość torba i kij*². Символизируемая сумой нищета заставляет человека прибегать к разным способам выживания и получения денег (ср. голь на выдумки хитра), к тому же проверяя его на выдержку и выносливость, вырабатывая в нём необходимые умения и умственные способности: *сума даст ума*. Подобное представление обнаруживается и в польской устаревшей пословице *Kiedy groszy w pytlu neni, wtenczas się rozum zmieni* (Zdanowicz *et al.* 1861: 1981).

На другом полюсе русскоязычного представления имеется положительная, хотя по частотности не слишком высокая, связь сумы с достатком и состоятельностью, опосредованно обусловливаясь, как ранее отмечалось, содержащимися в ней деньгами, но приобретаемыми иногда по случайности и согласно принципу *везёт дуракам: голова пуста, да туга suma; нет ума, да туга (полна) suma*. Из чего следует противопоставление ума и символизируемого сумой достатка: имея достаток, не надо быть умным, богатство ума не потребует.

В польском языке лексема *worek*, согласно метонимическому переносу – с владельцем объекта на сам объект, нередко становится сред-

¹ Паремиологический материал выбирался на основании (Dał' 2000) и (Krzyżanowski 1972).

² Фрагмент польской застольной песни авторства Тадеуша Фалишевского.

ством характеристики человека с точки зрения его материального статуса: *wór próżny nie stoi prosto, pusty worek kłania się ‘biedny musi się kłaniać, унижать’* (Krzyżanowski 1972: 767), *dziurawy worek ‘о человеку) rozrzutnik, неоскордны’* (Там же). Подобный мотив – персонификации мешка и сравнения человека с мешком вместе с меняющимся к нему отношением в зависимости от содержимого, т.е. материального статуса, – лёг (для русского представления) в основу басни И.А. Крылова *Мешок* (Krylov 1946: 52), начинающейся такими словами:

В прихожей на полу,
    В углу,
Пустой мешок валялся.
    У самых низких слуг
Он на обтирку ног нередко помыкался;
    Как вдруг
Мешок наш в честь попался
    И весь червонцами набит,
В окованном ларце в сохранности лежит ...

Мешок выступает символом не только богатства, понимаемого как материальный достаток, но и как большое количество, обилие чего-либо, будучи в некоторой степени продолжением и отражением мифологического образа *рога изобилия*, что выявляется в одном из значений польской лексемы *worek* – ‘pot. duża ilość lub liczba’ (WSJP). Смежная семантика обнаруживается также в польском и русском устойчивых выражениях *worek z kimś / czymś rozwijał się / rozsypał się / rozpruł się ‘książkę. pojawiła się duża liczba jakichś osób lub zjawisk’* (Там же), *мешок с коробом из ‘морд. о большом количестве чего-л’* (Mokiyenko, Nikitina 2007: 401). Семантическую параллель можно усматривать в русском *сыпать как из мешка* и английском *be like an overflowing sack* (RAFS). Стоит при этом отметить, что большинство фразеологических слов-варей (Teliya 2006; Zimin 2012; Mokiyenko 1980; Baranov, Dobrovolskiy 2007) подобное выражение не фиксируют, в то время как обращение к данным Национального корпуса русского языка (основной корпус) позволяет выявить 47 вхождений по запросу *как из мешка*, из чего 38 содержат глагол (*по)сыпать(ся)* в разных грамматических формах (NKRYa):

- В связи с новым проектом ЮНЕСКО ответы на этот вопрос **посыпались как из мешка**, но большинство из них только удлиняло цепь изменений.
- И сейчас же на меня, **как из мешка, сыплются** извинения — ах, он не знал, он не думал, он специально взял отгул, чтобы днем, чтобы никому не мешать...

- На румелийских консулов великих держав турецкие ордена *сыпятся как из мешка...*
- Но в данном случае даже этого предположения сделать нельзя: прошел всего год с появления «Детей Ванюшина», и г. Найденов был бы просто драмодел, если бы *сыпал из себя драмы, как из мешка* картофель.

Весьма примечательно, что имеющаяся в польском языке, смежная по значению и структуре, сравнительная конструкция *sypać jak z ręka* может встречаться в варианте с лексемой *worek*. Хотя регулярной и узально активной её считать всё же не следует. Данные Национального корпуса польского языка позволили зафиксировать всего 2 подобных употребления (NKJP):

- Paradowski *sypał ciekawostkami jak z worka...*
- ...i *posyapały się cyfry jak z worka*, bez zająknięcia.

Данная символическая закреплённость может также стоять за общепринятым образом Деда Мороза и Санта Клауса, неотделимым атрибутом которых является наполненный подарками большой мешок. Оставаясь в кругу сказочных и традиционно-мифологических персонажей, стоит также упомянуть русскую народную сказку *Двое из сумы* (еще один вариант: *Двое из ларца*). Сума в данном случае выступает неисчерпаемым источником, но при определённых условиях, всякой еды и питания, которыми наделяют владельца сумы два обитающих в ней магических персонажа.

Продолжением данного ассоциативного ряда можно считать представление о мешке как о не кончающемся в своём содержимом вместе лице, но не в смысле неограниченного получения *изнутри*, а наоборот, неограниченного вкладывания, зачастую вынужденного, *внутрь*, с безвозвратной потерей того, что вкладывается. Подобное представление находит своё отражение в польских устойчивых оборотах *worek bez dna, dziurawego woru nie napełnisz* и в детской потешке Ю. Тувима *Idzie Grześ* (Tuwim 2012):

Idzie Grześ
Przez wieś,
Worek piasku niesie,
A przez dziurkę
Piasek ciurkiem
Sypie się za Grzesiem.

„Piasku mniej –
Nosić lżej!”
Cieszy się głuptasek.
Do dom wrócił,

Worek zrzucił;
Ale gdzie ten piasek?

Wraca Grześ
Przez wieś,
Zbiera piasku ziarnka.
Pomaluśku
Zebrała się miarka.

Idzie Grześ
Przez wieś,
Worek piasku niesie,
A przez dziurkę
Piasek ciurkiem
Sypie się za Grzesiem...
I tak dalej... i tak
dalej...

Мешок, способный вмещать в себя большое количество чего-либо, нередко между собой не связанного, предполагает массу, которая, в нём перемешиваясь, образует скопление случайных и разнородных предметов, ср. польск. *wrzucić coś do jednego worka* ‘ктоś traktuje w jednakowy sposób obiekty, które zdaniem mówiącego są różne i nie powinno się ich tak traktować’ (WSJP). Упомянутая перемешанность, понимаемая как постоянное хаотическое и неупорядоченное обращение, движение в разных направлениях, становится основой сравнения с поведением озабоченно мечущегося человека, выражаясь в русском диалектном фразеологизме *крутиться как в мешке* ‘бегать, вертеться как белка в колесе’ (Filin 1982: 150).

Стоит также обратить внимание на то, что отмеченные *сума* – для русского представления, и *miech, mieszek* – для польского, становятся показателями не только материального, но и умственного убожества, которое нередко является также причиной нищеты и безденежья. Ср. в пословицах: *без ума суму таскать, а с умом деньги считать; не дал бог ума, найдется suma; i pana sędziego u nas bez mieszka mają za głupiego; tqdryś był z mieszkiem, słuchaleś logiki, głupiś bez mieszka, nie znasz polityki*. В то же время человек, не умеющий надлежащим образом воспользоваться своими умственными способностями, с тем чтобы извлечь для себя материальную выгоду (он же тогда и дурак), оказывается по этой причине в плачевном материальном состоянии, что находит своё отражение в пословице *Есть ум, да пустосум* или *От большого ума досталась suma*. К слову сказать, расписная сумка,

а точнее торба, – атрибут дурака, ср. в поговорке *Носиться как дурень / дурак с писаной торбой*.

Подобное представление в контексте оценки человеческого ума и умения посредством представлений о мешке и его бесполезном содержимом выявляется и в русском устойчивом выражении *мешок соломой набит / мешок с соломой* ‘разг. пренебр. нерасторопный, глуповатый человек’ (Mokiyenko, Nikitina 2007: 401). В данном ряду весьма примечательно то, что польская лексема *rajas*, обозначающая в разговорном языке ‘*ktoś, kto wygląda lub zachowuje się głupio, nienaturalnie lub nieodpowiednio dla swojego wieku, pozycji lub sytuacji*’ (Bańko 2017: 3), и русская *паяц* ‘перен. тот, кто, ломаясь, кривляясь, старается привлечь к себе внимание’ (Efremova 2006: 613) восходят к итальянскому *pagliaccio*, что обозначает дословно ‘мешок соломы’ (Fasmer 1971: 224). Смежное представление выявляется и в русской устойчивой единице *куль с мякиной* ‘бран. о вялом, недалёком человеке’ (Sharifullin 2007:103).

Продолжая данную ассоциативную линию, стоит отметить английское *fool* ‘дурак, глупец; шут’ (Мюллер 2007: 241) и французское *fou, folle* ‘сумасшедший, безумный; шут’ (Larosh, Mayevskaya 2013: 142), восходящие к латинскому *follus* ‘глупец’ (Kulwicka et al.), от *follis* ‘кожаный пузырь; надутый мех, на котором тренировались гладиаторы; мешок; надувная подушка’ (Dvoretskiy 1976: 435). С учётом приведённого значения у латинского *follis* (‘кожаный пузырь, мешок’) не случайным видится соотношение *кожаный мешок → надутый, наполненный чем-либо непригодным предмет* → *надутый, надменный, гордый* (о человеке, ср.польск. *hardy*), отразившееся в одном из стихотворений Миколая Рея: *Hardemu zda się, iż tu nikt nie równien / – On skorzany wór, który pełen gówien* (Rej 1848: 31; см. также Walczak 2022: 425).

Продолжая тот же ассоциативный ряд, имеет смысл обратить внимание на английское *dirtbag* ‘грязный, неухоженный или заслуживающий презрения человек’ (Bradberry), первый компонент которого представляет собой существительное *dirt* ‘грязь’, а второй – *bag* ‘сумка, мешок’. *Dirtbag*, тем самым, обозначает ‘грязная сумка, грязный мешок’ или ‘сумка, мешок грязи’, предполагая мешок как негативно оцениваемый по своему внешнему виду и/или содержимому объект.

Исходя из представления о мешке как о чём-то надутом, т.е. наполненном воздухом и, тем самым, для восприятия носителей языка лишённом содержимого, пустом, стоит обратить внимание на ассоциативно-семантическую связь с *надутостью, надменностью*, предполагающими чрезмерную гордость и высокомерие, которые, в числе прочего,

свойственны и дураку, «как человеку, в самомнении преувеличивающему собственную ценность» (Kolesov *et al.* 2014: 233). Тем более, что, с этимологической точки зрения, лексемы *дурак*, *дуть*, *надменный* восходят к единому общеславянскому корню *(na)du-ti (первоначально *(na)døti ‘дуть’, от *(na)dømti) (Chernykh 2009: 274–275; 557).

Еще одним примером может послужить устаревшая польская лексема *sak* ‘wór, worek’ (Zdanowicz *et al.* 1861: 1444), отмечаемая историческими словарями польского языка также в других значениях, в том числе ‘głupiec, osieł, rura’ (Там же). Оценку умственных свойств человека посредством сравнения с мешком находим в поэме *Пан Тадеуш* А. Мицкевича (Mickiewicz 2000: 221)

«Filut – zawała Chrzciciel – o, i ja go kropnę
Za swoje. Mój syn, było to dziecko roztropne,
Teraz tak zgłupiał, że go nazywają **Sakiem**;
A z przyczyny Sędziego został głupcem takim.

Частноотрицательная отмеченность рассматриваемых объектов как символов материального и порой интеллектуального недостатка, служит также средством выражения более обобщённого, общеотрицательного, отношения к человеку, называемому в польском *torba* с разговорно-пренебрежительным оттенком и в значении ‘bardzo obraźliwe określenie kobiety’ (WSJP). Семантический перенос осуществляется в данном случае метафорически, по сходству и через сравнение сумки как кожаного вместилища с женским половым органом с последующей синекдохой (ср. подобные *cipa*, *dupa*, *pizda* как вульгарные обозначения женщины). К подобному физиолого-анатомическому коду метафорических переосмыслений можно, как представляется, отнести и русские устойчивые выражения [*вот-вот*] *мешок развязается* ‘*прост. обл. шутл.* о последней стадии беременности’, *мешок развязался* ‘*перм. о рождении ребёнка*’ (Mokiyenko, Nikitina 2007: 400–401). При этом интересно отметить, что в русской и польской медицинской номенклатуре встречается ряд терминов с лексемой *мешок* (*мешочек*) / *worek* (*woreczek*): *гортанный мешочек*, *амниотический мешок*, *конъюнктивальный мешок*, *грыжевой мешок* и др.; *worek mosznowy*, *worek osierdziowy*, *worek owodniowy*, *worek przepuklinowy*, *worek spojówkowy*, *woreczek* (точнее *ręcherzyk*) *żółciowy* и др., строящихся на представлении о мешке и его функциональной особенности как вместилища для чего-либо.

Подобное польскому вторично оценочное значение встречается также в английском, ср.: *bag* ‘непривлекательная, некрасивая

женщина' (Merriam, Merriam) и русском *кошёлка* 'уничиж. разг-сниж. о женщине, обычно немолодой, некрасивой, простоватой по виду' (Khimik 2004: 277), в котором, скорее всего, отражено представление о мешке как о бесформенной ёмкости, переносимое затем на неусложнее и лишенное пропорциональности телосложение. Сюда же примыкает и польское разговорно-пренебрежительное *tłumok* 'osoba uważana za głupią i niezdolną' (WSJP) основным значением которого является 'duży, nieforemny pakunek z rzeczy zawiniętych w jakiś materiał' (Там же). Громоздкость, неповоротливость метафорически переводятся в сферу умственной деятельности, предполагая медлительность и нерасторопность.

В тот же ассоциативный ряд входит и русское слово *мешок*, с разговорным значением 'о неуклюжем, неповоротливом человеке' (Kuznetsov 2000: 579), в диалектах 'обжора' (Filin 1982: 150), а также сравнительный оборот *сидеть мешком* 'о слишком широкой и плохо сидящей одежде' (Evgen'yeva 1999: 265) и польск. *workowaty* 'coś, co jest workowane przypomina kształtem worek; workowane ubrania są luźne, niezgrabne, i bezkształtnie zwisają na kims' (Bańko 2017: 1040); *worek* 'obwiśla lub spuchnięta skóra pod oczami' (WSJP). Сюда можно отнести и русское сленговое выражение *куль с дерьмом* в значениях: 'толстый неловкий человек' (Elistratov 2010: 195).

Польские существительные *wór, worek*, восходя к общеславянской основе *vorъ* 'мешок', от *verti* 'воткнуть, вложить, засунуть; запереть, закрыть', являются однокоренными к *zawór, zaworek, zawierać (się)*, *zawartość* (Boryś 2008: 709). В этой связи для польского, но не только, восприятия символика мешка определяется и обуславливается, как уже говорилось, его содержимым, тем, что содержится в нём (польск. *zawierać się*), но также и тем, что он, наподобие сундуку, ларцу, ящику, закрывается (ср. с однокоренным глаголом *zawrzeć / zawierać przestaż, gw. zakrywać otwór, wejście do czego; zamkać* (Doroszewski 1958–69)), скрывая от наблюдателей своё содержимое, создавая, тем самым, возможность для потенциально намеренного обмана.

Представление о мешке как о средстве обмана можно увидеть во фразеологии, ср.: *шила в мешке не утаишь / wyjdzie (wyszło) szydło z worka; покупать кота в мешке / kupować kota (lisę) w worku* (ср. также в других языках: чеш. *kupovat zajíce v pytli*; нем. *die Katze im Sack kaufen*; англ. *buy a pig in a poke*; ит. *comperare la gatta nel sacco*; фр. *acheter chat en poche*; греч. παίρνω γουρούνι από σάκι – букв. 'иметь свинью в мешке'), общее значение которых предполагает куплю чего-либо неизвестного, с непонятными свойствами, таящего неожиданности (Kuznetsov

2000: 463), преимущественно в результате мошенничества либо обмана, а также в русских регионализмах и субстандартных фразеологических единицах со смежной семантикой: *мешок луку* ‘волг. небылица, ложь’, *раздувать меха* ‘жарг. мол. шутл. лгать, обманывать кого-л.’, *мешок да торбу наболтать / мех (мешок) и торбу (торбочку)*[и маленький мешочек] *наговорить* ‘пск. наговорить очень много; рассказать много небылицы’, *мешок с грампластинками* ‘жарг. молод. шутл-ирон. лгун, обманщик’ (Mokiyenko, Nikitina 2007: 401).

В контексте обмана находится также лексема *мошенник* ‘нечестный человек, обманщик, жулик, плут’ (Chernykh 2009: 546), восходящая к слову *мошна* ‘мешок, сумка, кошель, карман’ (Там же). Согласно словарю П.Я. Черных, семантическая деривация произошла по схеме «ремесленник, производящий мошны, сумки, кошельки» → «карманый вор» (Там же). На этом основании, возможно, мешок становится также атрибутом *вора* (что и от *врать* (Там же: 166), будучи одним из объектов, посредством которого совершается кражи (хранение и унесение украденного). Подобный механизм можно выявить на примере чешского *pytlák* ‘браконьер’ (Kopetskiy, Filipets 1976: 225), восходящего к существительному *pytel* ‘мешок’ (Там же), или польского устаревшего *worem zabić* ‘porwać, ukraść’ (Krzyżanowski 1972: 766).

Связь мешка с представлением о воре имеет своё объяснение и в самом воровском ремесле, в котором с помощью наполненных песком мешков наносился удар с целью оглушения и последующего ограбления жертвы. В подтверждение можно привести английское *sandbag* ‘небольшой мешок с песком, употребляемый преступниками для нанесения сильного удара’ (Myuller 2007: 521) и *to sandbag* ‘оглушать ударом мешочка с песком’ (Там же), а также *to put to the sack* (букв. ‘положить в мешок’) ‘разграбить’ (Там же: 519) и сюда же русское уголовное *взять на мешок кого* ‘убить кого-л.’ (Mokiyenko, Nikitina 2007: 400).

Правдоподобным видится ещё одно направление ассоциации: *мешок / сумка* – как вместилище для хранения денег и драгоценностей становился объектом совершения преступления, что можно увидеть в польском *rzejimieszek* (букв. ‘режущий, отрезающий мешки’), что от нем. *Beutelschneidern* (*Beutel* ‘мешок, сумка, кошелёк’ (Baykov, Böme 2009: 70) и *schneiden* ‘резать, стричь’ (Там же: 269), а также во французском *saccageur* ‘грабитель’ (Larosh, Mayevskaya 2013: 273) (ср.: *sac₁* ‘1. мешок. 2. сумочка’, *sac₂* ‘разграбление, грабёж’, *saccager* ‘грабить’, *sacoche* ‘дорожная сумка; сумочка для денег’ (Там же)).

Отталкиваясь от сказанного, можно предположить, что мешок приобретает и более обобщённую негативно заряженную нагрузку,

становясь инструментом нанесения вреда (удара, если точнее) с последующим результатом, понимаемым здесь как нарушение правильной умственной деятельности человека. Данное представление отражено в ряде фразеологических выражений: *кто из-за угла (пыльным / мучным) мешком прихлопнутый / стегнут / попуганный* (Filin 1982: 150) / *ударенный / стукнутый / прибитый / стёбнутый / трёхнутый* (Mokiyenko, Nikitina 2007: 400), польск. устар. *kto jest miechem szaszniony / stuknięty* (Krzyżanowski 1972: 447), чеш. *je (jako) pytlem praštěný* (Kopetskiy, Filipets 1976: 224).

В итоге мешок предстаёт как метафора затруднительного положения, тупиковой ситуации: *попасть в мешок головой* ‘прост. оказаться в сложном, безвыходном положении’ (Mokiyenko, Nikitina 2007: 400), полной безвыходности, понимаемой как отсутствие возможности выйти наружу, как вынужденная изоляция от внешнего мира: *каменный мешок* ‘жарг. угол. арест. тюрьма; тюремная камера’ (Там же). Отмеченные представления находят своё отражение в образе *канкана*, *ловушки*, в виде, например, мешка для ловли рыбы, определяемого также лексемой *сак* (ср. упомянутое ранее польское *sak*) – ‘устар. 1. большой мешок на полуобруче или на паллях, с шестом, для ловли рыбы’, ‘2. род холщевой переметной сумы для возки овса в тороках’ Dal’ 1881: 129–128) (ср. также устаревшее польское *sak* в значениях: ‘1. wór, worek. 2. sieć na ptaki, ryby w ksztalcie wora. 3. sidło, łapka, klatka, matnia’ (Zdanowicz et al. 1861: 1444). В этой связи интересен русский фразеологизм *попасть впросак*, второй компонент которого этимологически, по одной из версий, восходит к существительному *сак* (Fasmer 1964: 360), из нем. *Sackgasse* ‘тупик’ (Baykov, Bëme 2009: 259) (нем. *Sack* ‘мешок’ (Там же)).

Отмеченный признак безвыходности и закрытости, передаваемый также в образе мешка, как предмета с затягиваемой горловиной, служит основой для метафоризации широко понимаемой опасности в виде лишения не только физической свободы, но и доступа к воздуху и свету: рус. *диал. темно как в мешке*, чеш. *tma jako v pytli*.

Собранный и проанализированный материал позволяет выявить немалый ассоциативный потенциал у лексем *мешок*, *сума* и *worek* в русской и польской лингвокультурах, обусловливающийся как физическими (форма, размер, вес, содержимое), так и функциональными параметрами объекта (хранение, вкладывание внутрь / доставание наружу, кража, обман, нанесение удара, способность закрываться и открываться), порождая целый ряд последующих значений и представлений. Отмеченное проявляет себя в высокой частотности рассматри-

ваемых лексических единиц в паремиологическом, фразеологическом и, отчасти, терминологическом составе русского и польского языков, а также в текстах художественной литературы, способствуя, тем самым, посредством образного переосмыслиния, дальнейшему развитию новых значений, их концептуальному и узуальному проявлению.

Список сокращений

- NKJP – *Narodowy Korpus Języka Polskiego*, <<http://nkjp.pl/>>, access: 10.09.2023.
 NKRYa – *Natsional'nyy korpus russkogo jazyka*, <<https://ruscorpora.ru/>>, access: 10.09.2023.
 RAT – *Russkiy assotsiativnyy tezaurus*, <<http://tesaurus.ru>>, access: 10.09.2023.
 RAFS – *Russko-angliyskiy frazeologicheskiy slovar'*, <https://idioms_ru_en.en-academic.com>, access: 12.09.2023.
 WSJP – *Wielki słownik języka polskiego PAN*, <<https://wsjp.pl>>, access: 15.09.2023.

Литература

- Bańko M. (red.) (2017): *Inny słownik języka polskiego*. T. II. Warszawa.
 Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. (red.) (2007): *Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki*. Moskva.
 Baykov V., Béme I. (2009): *Novyj russko-nemetskiy, nemetsko-russkiy slovar'*. Moskva.
 Boryś W. (2008): *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
 Bradberry J.: *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, <<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>>, access: 11.09.2023.
 Chernykh P.Ya. (2009): *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennoj russkogo jazyka*. T. 1. Moskva.
 Dal' V. (1880): *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago jazyka*. T. I–IV. Sankt-Peterburg–Moskva.
 Dal' V. (2000): *Poslovitsy russkogo naroda*. Moskva.
 Doroszewski W. (red.) (1958–69): *Słownik języka polskiego*, <<https://doroszewski.pwn.pl>>, access: 12.09.2023.
 Dvoretskiy I.Kh. (1976): *Latinisko-russkiy slovar'*. Moskva.
 Efremova T.F. (2006): *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo jazyka*. T. II. Moskva.
 Elistratov V.S. (2010): *Tolkovyy slovar' russkogo slenga*. Moskva.
 Evgen'yeva A.P. (red.) (1999): *Slovar' russkogo jazyka: V 4-kh tt.* T. 2. Moskva.
 Fasmer M. (1964): *Etimologicheskiy slovar' russkogo jazyka*. T. I. Moskva.
 Fasmer M. (1971): *Etimologicheskiy slovar' russkogo jazyka*. T. III. Moskva.
 Filin F.P. (red.) (1982): *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 18. Leningrad.
 Khimik V.V. (2004): *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoj ekspressivnoy rechi*. Sankt-Peterburg.
 Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A. (2014): *Slovar' russkoy mental'nosti*. T. II. Sankt-Peterburg.
 Kopetskiy L.V., Filipets Y. (red.) (1976): *Cheshsko-russkiy slovar'*. T. II. Praga–Moskva.
 Krylov I.A. (1946): *Meshok*. [V:] *Polnoye sobraniye sochineniy*. T. 3. Moskva.
 Krzyżanowski J. (red.) (1972): *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. T. III. Warszawa.
 Kulwicka A., Ledzinska A., Maciąg A., Nowak K., Pawłowski K., Rzepiela M.: *Elektroniczny słownik łaciny średniowiecznej w Polsce*, <<https://lexicon.scriptores.pl/>>, access: 10.09.2023.
 Kuznetsov A.S. (red.) (2000): *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo jazyka*. Sankt-Peterburg.

- Larosh P., Mayevskaya E. (2013): *Frantsuzsko-russkiy i russko-frantsuzskiy slovar'*. Moskva.
- Merriam G., Merriam Ch.: *Merriam–Webster Dictionary of English Language*, <<https://www.merriam-webster.com/dictionary>>, access: 15.10.2023.
- Mickiewicz A. (2000): *Pan Tadeusz*. Gdańsk.
- Mokiyenko V.M. (1980): *Slavyanskaya frazeologiya*. Moskva.
- Mokiyenko V.M., Nikitina T.G. (2007): *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok*. Moskva.
- Myuller V.K. (2007): *Bol'shoy anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar'*. Moskva.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (2001): *Tolkovyj slovar' sovremenennogo russkogo jazyka*. Moskva.
- Pushkin A.S. (1950): *Sobraniye sochineniy v desyati tomakh. Stikhotvoreniya 1827–1836*. T. III. Moskva–Leningrad.
- Przepiórkowski A., Bańko M., Górska R.L., Lewandowska-Tomaszczyk B. (red.) (2012): *Narodowy Korpus Języka Polskiego*. Warszawa.
- Rej M. (1848): *Pyszny a pokorny. [W:] Mikołaja Reja z Nagłowic pisma wierszem*. Kraków.
- Sharifullin B.Ya. (2007): *Istoriko-lingvisticheskiy slovar' trilogii A.M. Bondarenko «Gosudareva votchina»*. Krasnoyarsk.
- Teliya V.N. (red.) (2006): *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo jazyka*. Moskva.
- Tuwin J. (2012): *Idzie Grześ*. Warszawa.
- Ushakov D.N. (1935): *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. T. 1. Moskva.
- Walczak M. (2022): *Leksema durak v Blagonamerennykh rechakh M.E. Saltykova-Shchedrina. "Slavia Orientalis" nr 2, s. 423–436*.
- Zdanowicz A., Szyszka M.B., Filipowicz J., Tomaszewicz W., Czepieliński F., Korotyński W., Trentowski B. (1861): *Słownik języka polskiego*. Wilno.
- Zimin V.I. (2012): *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy*. Moskva.